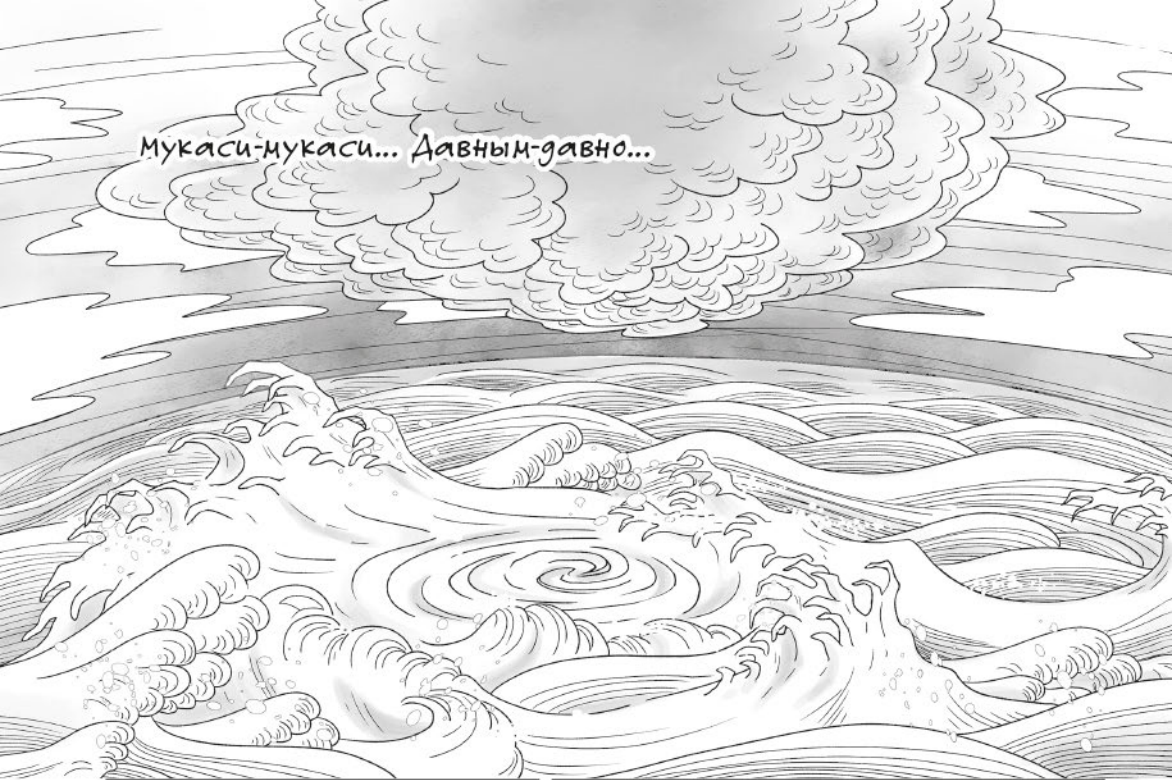

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Волна

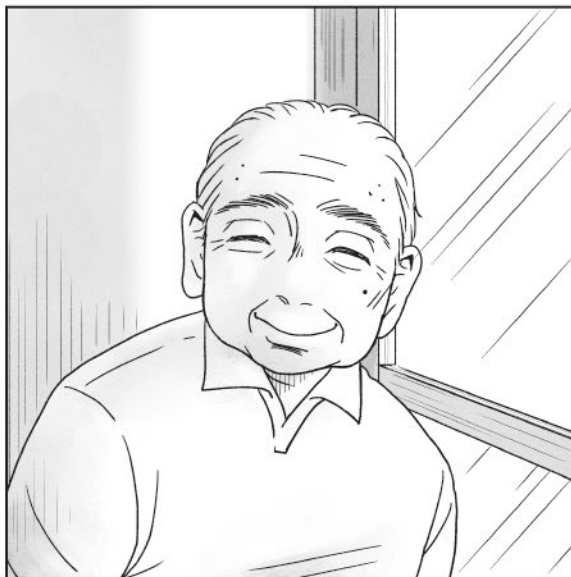
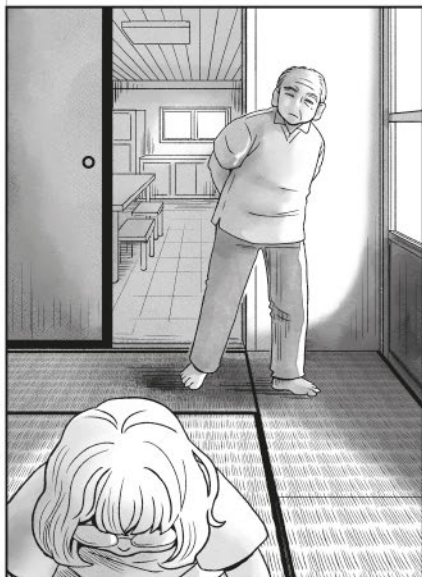
波

Мукаси-мукаси... Давным-давно...

В Японии, в Тохоку,
на берегу Тихого океана...

Давным-давно под водой,
на дне океана, жил мальчик.

Волосы у него были голубые,
как летнее море в Мацусиме,
а одежда — цвета неба...

...и в глубинах океана плавал он с такой же легкостью, с какой текут мысли в голове великого Будды.

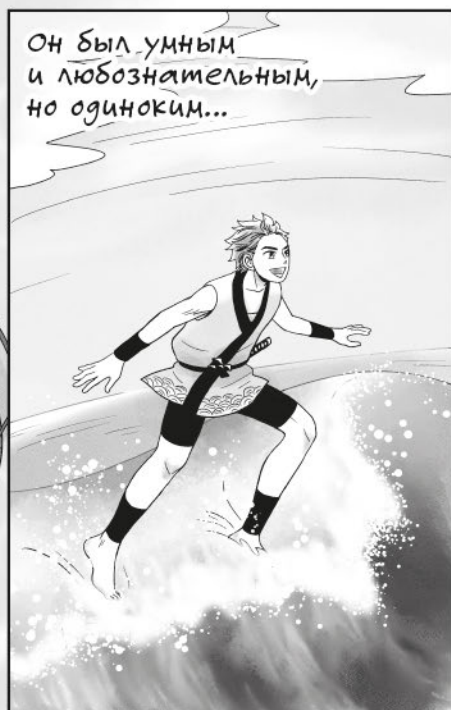
Этот мальчик повелевал всеми водами Мирового океана...

...и пел колыбельные, баюкая огромных сомов, из-за которых случаются землетрясения.

Он был умным и любознательным, но одиноким...

Поэтому однажды...

Я — Мальчик-Волна,
спешу на помощь.

Ёросику онэгай
симасу*.

* Приятно познакомиться (яп.).

1

ВЕЧНОСТЬ

За час до того, как накатила волна, всего за каких-то десять минут, как землетрясение перевернуло жизнь Юки с ног на голову, к ней вернулось желание улыбаться.

Сначала изгиб ее губ едва заметен. Но столь настоящая, а оттого дорогая сердцу улыбка сразу бросается в глаза сидящему за столом напротив Юки дедушке. Уголки его губ сами собой ползут вверх, а глубокие складки на лбу разглаживаются.

«Ох, — думает он, — может, все будет хорошо: я верну в твою жизнь радость, Юки-тян, огражу тебя от печалей, и ты снова станешь той девчушкой, которая рвалась запускать воздушных змеев-карпов на берегу Японского моря, каким бы суровым ни оказывался ветер, налетающий со стороны океана. Ты снова станешь Юки, рвущейся поджигать фитили теплыми летними вечерами, когда мы устраивали фейерверки на холме».

Стоит старику увидеть улыбку внучки, и воспоминания о вчерашнем ночном кошмаре тают как дым. Юки изо всех сил старается казаться серьезной, взрослой – это так важно подросткам, – но у нее не получается. И вот она уже не может совладать с улыбкой, а глаза начинают искриться, будто снег на зимнем солнце. Дедушка Дзиро ждет; наблюдает, как внучка, зарывшись пальцами в волосы (не совсем каштановые, но и не совсем вороные), пристально всматривается в разложенные перед ней рисунки.

Кухонные часы громко отмеряют ход минут, а под столиком-котацу¹ мурчит печка.

Наконец дедушка прочищает горло:

– Ну как, Ю-тян? Что думаешь?

Та склоняет голову в сторону, размышляет. За стенами старого семейного дома стонут на холодном мартовском ветру сосны, да привычно перекаркиваются вóроны. Но под одеялом, наброшенным на низенький столик-котацу, тепло и уютно – Юки рада, что вернулась.

Она отвлекается от набросков и встречается взглядом с дедушкой: старик выжидающе приподнял редкие седые брови.

– Черт возьми, Ю-тян, да ты точно улыбаешься! Впервые с тех пор, как приехала.

– Деда, я же вчера два раза улыбалась...

– Да-а-а? И когда же?

---

¹ Здесь и далее значение слов, набранных капителью, смотрите в словаре на с. 398.

– В ресторане. Ну и на вокзале?
– Что-то такое припоминаю. – Старик тяжело постукивает по столешнице указательным пальцем. – Но ты же понимаешь, о чем я? Твои ранние рисунки прекрасны, Юки!

Она морщится:

– Все дети такое калякают.
– Нет. Ты неправа. В них есть душа! Видение! Я знаю, о чем говорю! Ты только посмотри на композицию!

– Мне казалось, они были больше.

Дедушка смеется:

– Ты рисовала огромные морские пейзажи и покрикивала: «Деда, давай еще бумаги!» – и мне приходилось приклеивать листы по краям. *Ю-тян но кайта уми га афурэтэта ё!*

– Море... чего?

– Я сказал, – медленно повторяет он по-японски, – что раньше твои моря разливались во все стороны. Чем больше я добавлял листов, тем больше волн ты рисовала.

– Прости, совсем забыла японский... Мама все время поправляет с глаголами, чтобы не звучало грубо.

– Да мне все равно, вежливо ли ты говоришь, главное, что ты со мной общаешься. К тому же, как только ты приезжаешь, быстро все вспоминаешь. Все с твоим японским в порядке.

Дедушка тычет в сторону черной коробки из-под печенья, в ней стопкой сложены скетчбуки с яркими тканевыми обложками – охра, индиго, изумрудно-зеленый.

– Вообще-то, мы обсуждали, как прекрасны твои творения. Обычные дети так много не рисуют, да и получается

у них гораздо хуже. Я это тебе говорю как обладатель ПРЕМИИ ТЕДЗУКА! – выпячивает он грудь, грозно поджав губы, отчего становится похож на сурового японского огра.

– Крутой парень!

– Точно! – смеется дед. – Ох, только ты знаешь, как найти ко мне подход. Я скучал по нашим прикольчикам.

– Поставил бы ты свою награду на полку...

– Да ну, – отмахивается он. – Совсем я забыл о Мальчике-Волне. Раньше ты о нем болтала без умолку... будто у меня был еще внук...

Голос его чуть подрагивает, а потом дедушка громко прочищает горло:

– Ты рисовала, как настоящий профи, Юки! Посмотри!

Та наблюдает, как он разворачивает страницы темно-голубого скетчбука-гармошки. Они плотные, чуть пожелтели от времени, а вот штрихи цветных карандашей все такие же яркие. Такие же уверенные и наивные – будто это все рисовала не Юки. Но стоит ей посмотреть на картинки, и те мгновенно всплывают в памяти.

Вот каппа-водяной среди камышей; из пруда торчит только его голова: на лысом темечке, обрамленном волосами, каким-то образом уместился огромный огурец, а зубы у монстра такие острые, что того и гляди прогрызут рисунок.

Вот круглый холм на фоне темного неба, окруженный огненно-яркими фонариками, проплывающими мимо ухмыляющейся луны. «ПРИВЕТ МИРТВИЦЫ. ВАМ ТУТ ПАНРАВИЦА», – говорит светило на рисунке.

Вот маленькая пагода с загнутой крышей – бумага, которой обтянуты раздвижные двери-сёдзи, смотрит на на-

блюдателя десятками живых глаз; рядом с ними зависло зловещее японское МУКАСИ-МУКАСИ, а еще ниже теснится другая надпись, но уже на английском: «ДАВНЫМ-ДАВНО, В ДАЛЕКОЙ СТРАНЕ, БЫЛО АДНО О-О-ОЧЕНЬ ПРОКЛЯТОЕ МЕСТО...»

И на каждом листе появляется простой, но уверенно нарисованный герой – мальчик с ярко-голубыми волнистыми волосами: вот он бежит по крыше храма, ныряет сквозь стайки рыб к затонувшему кораблю, лавирует в клубке из запутанных японских иероглифов, надписей – звуковых эффектов и полуграмотных фраз на английском.

«МАЛЬЧИК-ВОЛНА СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ...»

«ПРЫЖОК – И ОН ПИРИПРЫГНУЛ ВУЛКАН! Вжу-у-ух!»

«КАППА УЛЫБНУЛСЯ И УСНУЛ, И ДЕРЕВНЯ СПАСЛАСЬ. КАНЕЦ!!! おわり»

Дедушка отодвигается, а Юки машинально наклоняется и переворачивает страницу – перед девочкой предстает исполинская волна. В ней сплелись, казалось бы, все оттенки синего и голубого, или, по крайней мере, все, какие были в огромных наборах карандашей, подаренных Дзиро внучке на дни рождения.

А на волне стоит, будто на серфе, конечно же, он – мальчишка в традиционной японской летней одежде, с всклокоченными волосами и улыбкой до ушей. К его рту, как в комиксах, тянется облачко с речью: «Хан Нами дэсу!¹ Я – Мальчик-Волна! Я никогда не сдаюсь!»

---

¹ Хан Нами – половинка волны (яп.). Мальчик-Волна полукровка, как и главная героиня. Он получеловек-полуволна.

– Когда ты радуешься, – раздаётся тихий голос де-душки, – сияние твоей улыбки может прогнать тьму откуда угодно. Что бы ни случилось.

Юки все еще смотрит на Мальчика-Волну.

– Сколько мне было, когда я это нарисовала?

– Лет шесть. Может, семь. Помнишь, как ты всегда требо-вала, чтобы я дал тебе свою профессиональную ручку от «Ротринг»? Заявляла мне: «Хочу быть как деда!»

– Я тогда испортила перо, да? А потом ты на меня на-кричал!

– Не припомню такого! Я всегда тебя поддерживал. – Де-душка скованно встает из-за котацу. – Талант всегда переда-ется через поколение. Надеюсь, ты хоть немного рисуешь?

– Не особо.

– Не особо?

– Фигня получается.

– Все так думают. Главное – найти свой стиль. Заимствуй приемы у других и пробуй новое, пока не поймешь, что тебе по душе. Веселись, и, быть может, – тут он подается впе-ред, – может, ты снова воспрянешь духом, взбодрись. Как когда тебе за шиворот падает снег с крыши. Как думаешь?

– Деда... – страдальчески тянет Юки. – И ты туда же?

Тот вздрагивает и машет руками, будто отгоняет от себя обвинения.

– Прости. Не бери в голову. Я не буду нудеть, как все остальные. Честное слово.

– Мне просто нужно от всего отдохнуть.

– Понимаю. Обещаю, я помогу тебе отвлечься.

Она кивает и поднимает взгляд к окну под потолком. С пола ей видно не много: только полоску возвышающегося за домом крутого склона, заросшего деревьями, — в детстве она звала его Маленькой горой. Вороны все суетятся в ветвях, слетаются к дому, кричат громче.

— Я стараюсь изо всех сил. Папа с мамой так не считают, но я правда стараюсь.

— Знаю, милая. Все будет хорошо. Я в этом уверен.

Тут вороны, будто сговорившись, разом замолкают, поднимаются в воздух и растворяются в белом небе где-то за окном. Юки провожает последнюю птицу взглядом, а потом ворон сам соскальзывает к вздымающейся волне и оседлавшему ее мальчишке с лазурными волосами.

Словно сквозь время, Юки до сих пор ощущает, как пальцы сдавливают карандаш, слышит, как пахнет графит, когда она пытается сделать каждый штрих таким же гармоничным и легким, как у Дзиро, когда его ну очень хорошо попросишь.

— *Деда, а нарисуй мне КАРАКАСУ — дух-зонтик! Как думаешь, сколько глаз должно быть на двери, чтобы она превратилась в мокумокурэн?*

— *Чем больше, тем лучше, — бормотал в ответ Дзиро. — Но мне интересно, что придумаешь ты.*

А сейчас дедушка-не-из-воспоминаний вздыхает:

— У меня целая коробка твоих альбомов. И даже пару твоих морских пейзажей я свернул и оставил в студии. Признáюсь, мне всегда было его немного жаль...

— Кого жаль?

– Мальчика-Волну, кого же еще. Ему бы спутника... Знаешь, кого-нибудь особенного, чтобы не приходилось сражаться в одиночку. Да даже петь скучно, когда нет слушателей. Хочешь еще посмотреть рисунки?

– Может, попозже. Покажи мне наброски твоих работ. Ты обещал, что в этот раз покажешь.

Юки хвасталась маститым дедушкой-мангакой перед Джоэлом, вроде-как-другом из Кембриджа, и теперь ей не терпится раздобыть и привезти домой фото как подтверждение своей истории. Вышел бы прекрасный повод завести разговор.

– Главное, чтобы твоя мама не устроила скандал. Меня самого мои старые работы пугают. Рисовал секс, насилие и прочие такие штуки, особенно пока жил в Токио. – Он чешет затылок. – Пил я тогда слишком много, да и волновался попусту!

– Мне почти шестнадцать, – напоминает Юки. – Я о таких вещах знаю.

Она чуть отодвигает темно-синий скетчбук.

Потом, когда Юки вспомнит о тех драгоценных моментах наедине с дедушкой, то так и не сможет понять, почудилось ли ей, или от простого прикосновения ее и правда будто ударило током, причем настолько сильно, что дыхание перехватило, а рука сама отдернулась. Может, тогда Юки устала после перелета? Да, иногда в первый день в Японии она прямо подпрыгивала от волнения. Или тут дело было в чем-то еще?

– Все в порядке?

– Я просто рада, что приехала, – кивает Юки.

– Мы с тобой – команда. Кстати, – оживляется дедушка, – я тебе задолжал подарок на день рождения.